

Андрей Балабуха, Сергей Удалин

Сказание о купце Садко и Сигтунском походе

Вступление

Тихим и благополучным выдалось лето шесть тысяч шестьсот девяносто четвертое от Сотворения Мира.

Лед весной прошел по Волхову быстро, без заторов, не повредив порядком обветшавший мост, а потому на Пасху на нем опять по обычаю сошлись в кулачном бою Софийская сторона с Торговою и бились так крепко, что сбросили вниз двух добрых мастеровых, именами Гаврила да Ивач, и оба расшиблись насмерть. А попутно кулашники разворотили мостовой поручень до такого бедствия, что посадник Михалко, осмотрев место побоища, решил многострадальный тот мост уже боле не латать, а к Троице отстроить новый, рядом с прежним. И то дело, давно уже пора было.

Знаменья на небе, как в давешнее лето, когда солнце померкло на целый час, испугав до сердечной колики самого архиепископа Илию, с той поры так и не оправившегося, также не повторялись. Правда, на Троицу молния ударила в крест церкви Михаила Архангела на Прусской улице, так то не впервой, бывало и похуже. В этот раз церковь даже и не сгорела дотла, как пять лет назад, и ее быстро в порядок привели. А то, что двое певчих от той молнии скончались, так на все Господня воля, да и не самая скверная это смерть – в Божьем храме, во время службы.

Низовские князья враждовали с соседями и на новгородскую землю не зарились. Зловредную чудь, прежде часто досаждавшую Пскову, а порой самому

Новугороду, еще прежний князь Мстислав – не Давыдович, а Ростиславович, утихомирил так, что они теперь и на торжище лишний раз показаться не решаются. А емь, если что худое и замышляла, то исполнить не успела. Воевода Вышата с дружиною их по осени от дурных мыслей загодя отучил и вернулся назад со славой и добычею.

Да и торговля шла бойко. Купцы цену не ломили, за кадь ржи просили гривну, за пуд меда – две куны с резаной, а емьских полонянок продавали по три ногати...

Почтенный книжник по имени Упырь Лихой горестно вздохнул. Нет, грех жаловаться, спокойно жилось этим летом. Вот только что о нем в летописном своде поведать? Разве ж это важные события – мост поломался, да церковь сгорела? Кто о них вспомнит через сто лет? Вот в прежние времена было о чем писать – то смоляне полочан побьют, то суздальцы – рязанцев. А сейчас? Руки истосковались по перу, а записать-то, прости Господи, и нечего!

Глава первая

По виду и повадкам Онфима Прокопьяча сразу было понятно, откуда он пришел. Да и зачем пожаловал – тоже. Кто-то другой на месте Садко устроил бы из этого ярмарочную потеху, заставив кончанского старосту разинуть в удивлении рот и потрясенно пробормотать: «Пресвятая Богородица, да кто ж тебе рассказать-то успел?» Но Садко лишь молча подмечал подсказки и складывал из них правильный ответ: щеки почтенного старосты под окладистой бородой налились маковым цветом, словно у пробежавшего полдня за красными девицами отрока – стало быть, издалека, не из дома. Подмокший от снега лисий кожих весь провонял рыбой и дегтем – значит, шел через торжище. На правом рукаве свежее пятнышко от воска – получается, что и в церкви недавно побывал. Надо полагать, там же, возле торжища, в Никольской. Хотя заутреня давно окончилась, а до обедни еще далече – выходит, не столько молиться заходил, сколько побеседовать с отцом Варсофонием о делах насущных. На образа староста

перекрестился истово и вроде как виновато, будто заранее прося у святых прощения за то, что сейчас скажет. Тут уже и гадать нечего – ясней ясного, что пришел с побором. Осталось только узнать, на что.

Положа руку на сердце, Садко и об этом тоже догадывался. Но облегчать задачу старосте не собирался. Коль уж все одно не отвертеться, так пусть и Онфим душой помается, окольные заходы к разговору поищет. «Это тебе не водь доверчивую облапошивать», — не удержался от ехидной мысли Садко.

Тем временем староста откашлялся, степенно огладил бороду и пробасил:

— Ой ты гой еси, славный Садко-купец...

«Это кто еще из нас гой», — снова шевельнулась в голове язвительная мысль, но Садко мигом укоротил и ее, и заодно старосту:

— Да ты, Онфим Прокопъич, никак, былиной пришел меня потешить? Вот спасибо. А то ж я сам не знаю ни одной и на пирах у тебя их ни разу не пел.

Староста осекся, растерянно заморгал и зашевелил губами, словно повторяя про себя слова Садко и пытаюсь угадать потаенный их смысл.

— Так ведь это... — выдавил он наконец и снова умолк, — ...так уж повелось у нас... — добавил староста после мучительного раздумья, — ...испокон веков... — закончил он и утомленно вздохнул.

«Сочинить, что ли, для вас грамотку, как по-словенски разговаривать? — лениво подумал Садко Сытинич. — Да и писать заодно. А то ведь сами во веки вечные не сподобитесь. И чтобы заучили все назубок, как Десять заповедей, — совсем было размечтался он, но тут же себе и возразил: — Так ведь все одно не запомните».

— Может, оно и так, — вернулся он от досужих мыслей к разговору. — Только ты же знаешь – мы люди пришлые, к обычаям вашим не приученные. С нами попроще нужно.

По тому, как приободрился староста, Садко мгновенно догадался, что перегнул палку, но возвращать слова назад было поздно.

— Вот об том и речь, — уже наставительным и чуточку укоризненным тоном заговорил Онфим. — Пришлый – не пришлый, а ты сам помнишь, как мы тебя встретили. Как родного. И место лучшее на торжище присмотрели, и в братство приняли, и терем вон какой отстроили... — Староста на мгновение остановился, почесал в редяющем затылке и уточнил: — Помогли построить... поспособствовали... подсказали... Ну, ты же помнишь.

Еще бы Садко не помнил! Такое и захочешь, а не забудешь. И во сколько ему то место на торжище обошлось. И чем он новоприобретенных собратьев целую неделю кормил да поил. И почему ему лес для строительства отпускали. За такие деньги можно было и четыре терема срубить. Впрочем, Садко и не думал жаловаться. Доведись ему принимать чужака, сам бы встретил с таким же радушием.

— Знамо дело, вовек доброты вашей не забуду, — чистосердечно ответил он старосте.

— Ну вот, — обрадованно загудел Онфим. — А теперь и ты помоги побратимам своим, отплати добром за добро. Мы ж тебя... ты ж нам... а кто ты там есть – болгарь или эрзя какой – нам это знать без надобности. Лишь бы не жидовин поганый. Раз принял веру христианскую, значит, ты брат нам теперь. А брат брату...

Садко Сытиныч почесал горбинку длинного орлиного носа. О вере своей он без крайней нужды вспоминать не любил, а еще больше не любил, когда другие про нее напоминали.

— И чем же я могу своим братьям помочь? — спросил он, не без умысла обходя слово «отплатить».

— Так ведь... — начал было староста, но Садко снова его оборвал:

— Да ты садись, Онфим Прокопич, передохни, умаялся, чай.

— Да я...

— Может, кваску тебе поднести?

Староста присел на край лавки, неловко поерзал, подобрал полы кожуха, передвинулся дальше и, огладив в очередной раз бороду, молвил:

— Благодарствую, но сначала о деле поговорим.

— Ну, о деле, так о деле.

Хоть Садко и забавляли страдания старосты, но в мыслях своих он мрачнел все сильнее и сильнее. Видать, о больших деньгах пойдет разговор, коли такой тертый калач, как Онфим Прокопич, никак его начать не осмеливается.

— Вот, значит, какая притча, — решился наконец староста, расстегнув от волнения ворот рубахи из английской шерсти. — Задумал епископ Гаврила украсить нашу Святую Софию. Чтобы и Богу на нее смотреть было радостно, и люду новгородскому тож.

Другой бы на месте Садко возгордился тем, что верно все угадал, но он почему-то никакой радости не испытывал, а лишь еще больше темнел мыслями.

— Благое дело, — вставил он со всей безмятежностью, на какую только способен человек, которого вознамерились ободрать как липку.

— Благое-то оно благое, — тяжело вздохнув, согласился староста, — да только и на богоугодные дела деньги надобны.

— Воистину.

— Что воистину? — ни с того ни с сего взвился Онфим.

— Воистину надобны, — ответил Садко.

— Да ты... да я... да мы... — Вскочив с лавки, словно, пока на ней пристраивался, занозил себе основание, староста немного потоптался сапогами по персидскому ковру и снова сел. — Да брось, Садко, не такой уж и ты и пришлый, чтобы не знать, как у нас благие дела делаются. Добровольными пожертвованиями. А понимать это следует так, что лучше отдай, сколько просят, а не то все потеряешь, да еще и должен останешься. Уразумел?

Садко кивнул. Чего уж тут не уразуметь? Не в первый раз приходится на церкви жертвовать. Вот только и старосте это тоже не в новость. С чего он тогда так разволновался?

— В общем, положили нашему концу собрать на храм ни много ни мало пятьсот гривен, — выдохнул Онфим.

В какой-то из мудрых книг Садко вычитал, что некоторые твари Господни способны испускать свист, не различимый для человеческого уха. Именно это он сам и проделал.

— Да где ж столько набрать?

— Вот и я о том же говорю, — разделил староста изумление Садко. — Кроме как у тебя – негде. Сам знаешь, на нашей стороне народ небогато живет, не то что на Софийской. Если у кого что и было, все в товар вложено. А свободных – ни шеляга, ни ногати. На тебя одного вся надежда.

«Ну да, у всех деньги вложены в товар, и только у меня одного – в кубышку», — подумал Садко.

— Так ведь нет у меня таких денег! — с отчаянием в голосе сказал он.

И ведь не соврал. Вот именно таких – в самом деле не было. Ни шелягов, ни ногатей.

«Да если бы и были...» — опять проснулся зловерный внутренний голос, так что пришлось грозно на него прицыкнуть, чтобы, не приведи Господь-Саваоф, вслух ничего такого не ляпнул.

Но вслух и не нужно было. Онфим и так все понял, и поскольку ожидал подобного ответа, обиделся еще сильнее.

— Значит, не хочешь помочь по-хорошему? — засопел он.

— Почему сразу не хочу? Кабы мог... — попытался оправдаться Садко, но теперь уже староста перебил его:

— Подумай хорошенько, Садко – богатый гость. Ты же знаешь, мы тебя – как родного, но ежели что, можем и вспомнить, что ты не родной. Не все же

нашим мастеровым по праздникам Готский двор жечь. Можно, разнообразия ради, и другой какой попробовать. А им ведь только подбрось мыслишку – потом уже ничем не остановишь.

Садко разочарованно посмотрел на старосту. Вот так всегда: начинается с поборов, а заканчивается погромами. Пожар, конечно, дело привычное, и самое ценное в огне не сгорит, но все одно разорительно. Лучше бы по-хорошему договориться. Только как? Им ведь только уступи один раз – вовек не отвяжутся, так и будут до пришествия Машиаха на твоём горбу сидеть. Да и кто сказал этому борову одышливому, что он способен самого Садко запугать? Садко в море тонул – не утонул, авось и в огне не сгорит.

Впрочем, и Онфим тоже тонул, но море его сгубило иначе. Говорят, был он когда-то разудалым молодцом, первым гулякой на всей Торговой стороне и самым бедовым мореходом во всем Новгороде. И вот однажды, по молодой своей бесшабашности посадил ладью на подводную скалу посреди Варяжского моря. По счастью, проплывавшие мимо даны подобрали Онфима. Но пришлось бы бедолаге дожидаться, когда родственники его выкупят, кабы не дерзнул он вызвать данского конунга Сигурда Крутолобого на хмельной поединок. А тот, надо сказать, сам был молод и горяч, и весьма гордился своей способностью пить не пьянея. И потому принял вызов чужеземца.

Продолжался тот поединок без малого двое суток, но победителя так и не выявил. Зато восхищенный – и что немаловажно, не побежденный Сигурд решил побрататься с Онфимом. Год от года побратимство только крепло. Онфим выдал свою дочку Аксинью за сына Сигурда. Его приказчики торговали с данами на особых условиях, да и с прочими иноземцами столковаться было куда проще, если ненароком упомянуть имя Сигурда. Постепенно Онфим сделался самым богатым купцом Славенского конца, а затем и бессменным его старостой. Вот только нрав у него в конец испортился. Стал он чванлив, криклив, жаден, да к тому же еще и трусоват.

— А и ты подумай, Онфим Прокопъич, — ответил Садко с хрипотцой, перенятой у одного почтенного книжника, отнюдь не за кроткий нрав некогда прозванного Упырем Лихим. — Твой-то терем как раз на полпути от торжища к моему дому стоит. А ну как умаются мастеровые, да не дойдут до места? Кто-то ведь им может и подсказать, где поближе можно позабавиться.

Староста побагровел, потом закашлялся, словно подавившись собственной храбростью, поднялся с лавки и бочком засеменял к двери. И только оттуда угрюмо бросил вполоборота:

— Значит так, Садко Сытинич, сроку нам дадено – три месяца. А тебе я даю два. Ежели к тому времени две сотни гривен не соберешь – не обессудь. Всякое может приключиться...

«И то верно, — подумал Садко, как только староста вышел в сени. — Приключиться может всякое. И епископ Гаврила может передумать, и старосту могут нового избрать, да и Машиах когда-то же должен прийти? Почему бы, к примеру, не через месяц?»

* * *

«Голь я перекатная, или могу себе такие траты позволить?» — весь вечер промучился над вопросом Садко, выводя писалом цифирь на восковой дощечке и втайне надеясь, что на этот раз итог получится не таким плачевным, как прежде. Но по всему выходило, что голь. Договориться со столбцами причудливых закорючек было еще трудней, чем с Онфимом Прокопьевичем. Однако премудрый купец не сдавался и снова принялся расставлять значки, только в другом порядке.

Когда в сенях хлопнула дверь, он ни на мгновение не оторвался от подсчетов. А с чего отрываться-то? И так понятно, что это ключница Кайса – крещеная ижорка – с вечерни пришла. Только она умела так хлопнуть дверью: вроде бы и не сильно, потому как дом она блюла ревностно и сама вводить хозяйство в ущерб не стала бы ни под каким видом, но при этом настолько выразительно, что высказывать словами свою досаду уже было и не обязательно. Вот только не обязательно – это еще не означало, что не выскажет.

Мать Кайсы, полонянка из кривичей, окрестила девочку тайком от отца, рунопевца Илмара Медвежье Ухо. Поговаривают, будто Илмар в молодости был хорошим певцом, но однажды сходил на Готский остров и послушался там от

варягов про мед поэзии. Год от года мед привлекал его все больше, а поэзия – все меньше.

Кайса с малых лет приучилась подтягивать издерганные дрожащими пальцами отца струны кантеле, а потом и играть на нем. Ее стали приглашать на свадьбы и на другие празднества. Во время одного из них на деревню и налетели новгородские ратники.

Так вот Кайса и попала на торжище вместе со своим почти не поврежденным кантеле. Оно-то в первую очередь и привлекло Садко Сытинича, и только потом он заметил нескладную девчужку со взглядом разозленной куницы.

С того времени девка стати понабрала, а вот нрав остался прежним. Когда Кайса не играет на гусях, вытерпеть ее очень трудно. Но что поделаешь, приходится.

«Опять кумушки что-то нашептали, — обреченно подумал Садко. — Ну, сейчас начнется».

И действительно, началось.

— Сидит, — прямо с порога заворчала Кайса. — Считает. А чего считать-то? Считай – не считай, а гривен больше не станет.

Возразить на это было трудно. Как ни раскладывал свои расходы Садко, церковный побор резал его без ножа. Отдать эти двести гривен он конечно смог бы. Кубышка – не кубышка, а какой-никакой запас на черный день есть у каждого купца. Но расплатиться за товар, который с последним волоком придет из Булгара, будет уж нечем. Может, по старой памяти, что-то ему и отгрузят в долг, но в следующий раз без полного расчета уже точно не привезут. А где взять на это деньги, если продавать нечего. Взять в рост, так побратимы ему – как родному, ага – такую лихву заломят, что и вовсе без портков останешься.

Вот и выходит, что права Кайса, только не след о таких делах с девкой говорить. Особенно про портки.

Поняв, что не должится ответа, ключница решила зайти с другой стороны:

— Хоть бы свечи зажег, а то сидишь с одним огарком, словно прячешься от кого. Помнится, перед Рождеством даже днем в шандальце по семь свечей горело, а теперь поздним вечером и на одну поспешил.

На этот упрек Садко тем паче отвечать не стал.

Кайса с угрюмым видом схватила веник и принялась с остервенением подметать и без того чистую горницу. Но долго ее молчание, понятно, не продлилось. Посопев и повздыхав, она перешла к главному:

— Хоть бы голову-то поднял, ирод. Взглянул бы на меня хоть раз. Чай, я тебе не вещь какая. Не хват на ножках, не доска лавочная.

Садко мысленно ухмыльнулся. Доска – не доска, но особыми округлостями девка похвалиться не могла. Кайсу он взял в дом пять лет назад, еще девчонкой, и с тех пор она, понятное дело, подросла, но больше вверх, чем вширь. Хотя лицом она – чего уж тут скрывать – была пригожа. Губки вишенкой, щечки яблочком, бровки черничкой – ягодка, а не девка. Да только не для лакомства Садко ее держал. Никто не умел так играть на гусях, как играла Кайса. И голос у нее был такой, что церковные колокола стыдливо замолкали. Что уж говорить о купцах. Заслышав ее пение, они враз делались сговорчивей, и своим нынешним благополучием Садко во многом был обязан Кайсе. Но и об этом ей тоже лучше бы не знать.

— И за что ж мне так с хозяином-то не повезло? — продолжала гнуть свое Кайса. — Вот Дуняшка-то – даром, что всего год как у Евграфія Постного в услужении – уже обременилась от него, и он ее теперь замуж обещает взять. А чем я ее хуже?

Ну, положим, обещает взять и возьмет – это совсем не одно и то же. Особенно, когда речь идет о Евграфии Постном. Но если бы даже Садко и надумал жениться на своей служанке – а такие мысли его нет-нет, да и посещали, не все ж бобылем жить, то какие уж после этого гусли? А другую жену взять – Кайса раздосадуется и петь, как прежде, все одно уже не будет. Вот и приходится ему, горемыке, тайком от служанки по вдовушкам бегать. Смех да и только.

— Ой, да ладно! — усмехнулась и сама Кайса, — нешто я не понимаю, что не ровня тебе. Но хоть как-нибудь покажи, что я для тебя не пустое место. Улыбнись, слово ласковое скажи. Или хоть ущипни...

Что ж, по правде говоря, ежели приноровиться, то ущипнуть у ней было за что.

— Или за волосы оттаškai, за все, что я тут наговорила. Какое ни есть, а все ж внимание.

Волосы у Кайсы были соломенные. Но только по цвету. А вообще-то густые, длинные, крепкие. За такую косу действительно можно было бы ухватиться. Временами Садко казалось, что не только можно, но и нужно.

Кайса в сердцах отбросила веник в красный угол.

— Молчит, постылый! Глаза б мои на тебя не смотрели. Так ведь все одно смотрят, окаянные!

Ах да, глаза. Про глаза конечно тоже нужно сказать. Они у Кайсы были серые и холодные, как ладожская вода, вечно недовольные – вот какие у нее были глаза. И загорались счастьем только в те мгновения, когда она пела. И тогда уж девка становилась такой красавицей, что...

Нет, довольно об этом. Сказал нет, значит, нет.

— Ох, помяни мое слово, — перешла Кайса от жалоб к грозам, — сбегу от тебя к Вейко. Или к Вайке.

Вейко был старшим сыном вождя корел, а Вайке – тоже сыном вождя, но только уже чудинского. Или наоборот. Садко вечно их путал. И не мудрено: оба были молодые, дородные, улыбчивые. Отцы-вожди оставили их в Новгороде в залог, в знак того, что доверяют новгородцам и сами против них зла не умышляют. И надобно сказать, что парни на чужбине не больно-то и кручинились, быстро освоились в городе и уж девок точно не сторонились. А Кайса и вовсе для них была почти соплеменница. Нет, переманить ее к себе ни тот, ни другой конечно не осмелятся. А вот обрюхатить – это запросто. И тогда опять – прощайте, гусли!

Кайса, похоже, и сама уже поняла, что перестаралась с угрозами, и завела новую песню:

— Ну хорошо, не любо тебе на девок смотреть, так пошел бы, что ли, завтра, поглядел, как мужики друг друга волтузить будут. И меня бы с собой взял. Сказывают, в прошлое воскресенье возле торжища истинное побоище было. Немцы с нашими на кулаках биться вздумали. Так их живо с берега в реку загнали, а лед под ними возьми, да и проломись. Ох, и промокли немцы-то, замерзли, да осерчали. Обещались в следующий раз свеев с собой позвать. Ну и потеха будет!

А вот тут девка, пожалуй, что и права. Отчего ж не сходить, не развеяться. И не только посмотреть, а и самому косточки размять, благо, настроение для этого самое что ни на есть подходящее. Не сказать, что Садко так уж сильно любил кулачные бои, но была в этой небезопасной забаве своя особинка: подостыв после драки, все по обычаю пировать отправятся. И вот тут, за душевным разговором, о многом можно будет расспросить, о многом договориться. А уж если немцы со свеями не откажутся от приглашения, то и подавно. Так что сходить стоит. А пока...

Садко вздохнул, поднялся с лавки и подошел к Кайсе. Нет, до греха конечно лучше дела не доводить. Но потискать девку маленько не помешает. А то, неровен час, и вправду с кем-то из тех двух оболтусов спутается.

* * *

На ристалище Садко самую малость опоздал. Шутки шутками, а после недолгого баловства со служанкой ему и впрямь пришлось забежать к вдовой травнице Меланье, чтобы унять плоть и успокоить кровь. Так что спать он лег далеко за полночь, а посему и встал тоже не с петухами. Кайса, слава Вседержителю, вроде бы ничего не заметила. А может, и заметила, но вопреки обыкновению промолчала. Только любоваться на забаву с Садко она не пошла, сказала больно. Видно, все ж таки в чем-то заподозрила. Но пусть даже и так, что ж теперь, казнить-убиваться из-за этого? Не жена ведь она ему, в самом-то

деле! Да и к тому же, не пойман – не вор, а не сознался, так, стало быть, и не пойман.

Как бы там ни было, но кулачное побоище уже началось. Правда, общих ожиданий оно не оправдало. Свеи, как объяснил Садко первый же встречный прохожий, к назначенному часу на берег вышли, но, посмотрев на супротивников, биться передумали и притворились, будто бы хотели всего лишь проверить, все ли в порядке с их шнеками. Побродили немного с деловитыми лицами по берегу, да и отправились восвояси. А без них и немцы принять вызов не рискнули. Но обставили свой отказ честь по чести, пригласив бойцов и сочувствующих к себе на Готский двор – выпить мировую и забыть о прежних раздорах.

Никто против такого поворота и не возражал, но разойтись, не потешив собравшихся зрителей, – как-то не по-христиански получалось. А потому решили биться между собой – как заведено, Славенский конец против Плотницкого.

Посмотреть на побоище собралась чуть ли не половина Торговой стороны, и Садко не слишком удивился, заметив в толпе Упыря Лихого. Кулачные бои почтенный книжник любил самозабвенно. Собственно, на одном из таких зрелищ Садко с ним и познакомился. Тщедушный старик горячо переживал за исход каждого единоборства и время от времени отпускал весьма толковые замечания по искусству рукопашного боя, перемежая их с наставительными речениями из Екклезиаста. Такое сочетание не могло не вызвать у Садко приступа жгучего любопытства, не унявшегося до тех пор, пока купец не выяснил во всех подробностях историю жизни почтенного книжника.

Упырь Лихой родился на Волыни в крестьянской семье, но было это так давно, что он и сам уже не припомнит. Мать умерла при родах, лет через десять погиб и отец, во время очередного набега то ли печенегов, то ли угров, то ли еще каких-то степняков. До дальней родни в таком же дальнем Владимире-Волынском маленький сирота не добрался, а может, не больно-то и хотел добираться, отведав прелестей беспризорной жизни. И после долгих скитаний оказался в разбойничьей вольнице на острове Руян, где его приняли как родного, как только он доказал, что способен постоять за себя в драке со взрослым и куда более сильным поединщиком. К семнадцати годам сделался кормщиком, и кто знает, каких бы высот он достиг в разбойничьем ремесле, если бы не одна случайность, перевернувшая всю его жизнь.

После одного из разбойничьих набегов достался ему огромный сундук, доверху набитый старинными книгами. Сотоварищей такая добыча не прельстила, но сам Упырь остался в твердом убеждении, что книги должны дорого стоить. Вот только насколько дорого? Продешевить при продаже Упырь не хотел.

Решив узнать их истинную ценность, он нанялся в услужение к саксонскому книготорговцу и быстро уразумел, что стоимость в значительной мере зависит от того, что это за книга. А как это узнать, если не умеешь читать ни по-латыни, ни по-гречески, ни тем более по-арабски?

Однако упорства Упырю было не занимать. Первым делом он постригся в монахи, потом оказался в Болонском университете, затем побывал на горе Афон и в медресе Аль-Хазар в Каире.

Наконец, спустя два десятка лет, он узнал о книгах все, что в состоянии узнать человек, но к тому времени настолько пристрастился к чтению, что уже не в силах был расстаться со своими сокровищами. И надо ж такому случиться, что в тот день, когда Упырь решил перевезти книги из тайного схрона на крохотном острове, где они благополучно пролежали все эти годы книги, разразился сильный шторм. Должно быть, к тому времени Упырь порядком подрастерял навыки кормщика, ибо челн его перевернулся на крутой волне, и сундук с книгами утонул.

Потрясенный случившимся, Упырь дал обет переписать столько же книг, сколько погибло по его упущению. То есть шестьдесят две. К тому дню, когда он познакомился в Новгороде с Садко Сытиничем, счет уже перевалил за полсотни.

С той памятной встречи Садко и сошелся с почтенным книжником и даже порой, вдали от посторонних ушей, величал его «ребе Упырь». Беседы с ним доставляли Садко редкое в здешних краях умственное отдохновение, вот только сейчас купец был совсем не расположен к подобному пиршеству духа. На этот раз ему требовались собеседники попроще. И он даже знал их имена.

Вейко и Вайке, разумеется, были где-то здесь. За все проведенные в Новгороде полгода, они еще не пропустили ни одной забавы, а уж тем паче такой, где можно удаль молодецкую показать. Вот и сейчас они бились бок о бок, по обычаю бывалых бойцов, сопровождая каждый удар какой-нибудь излюбленной присказкой – не только озорства ради, но также и для большего средоточия. Отпрыски чужеземных вождей обзавелись такими словечками в ту

пору, когда еще не слишком уверенно изъяснялись по-словенски, а после, уже осознав некую их несурязицу, не стали ничего менять. Так что Вейко до сих пор, норовя засадить супротивнику в скулу, приговаривал: «А поелику!», а Вайке, целясь в поддых, повторял: «Вельми понеже».

Сбросив возле тына кожух и шапку, Садко отыскал их светлые головы в бурлящем море кулачного сражения и поспешил к ним, сам еще толком не зная, зачем – то ли поддержать двух удальцов, то ли проверить, насколько крепки у них подбородки.

Да так и не узнал. Мгновением позже нечто сокрушительное, мало напоминающее кулак простого смертного, врезалось ему в затылок, и Садко впал в беспамятство, не успев даже выругаться на родном языке, которому в подобных случаях отдавал предпочтение и перед словенским, и перед болгарским.

* * *

Как ни странно, первым, что Садко услышал, придя в себя, оказался именно язык далекой прародины, на которой никогда не бывал не только он сам, но даже его родители.

— Ну давай, открывай глаза, — шептал незнакомый резкий голос. — Не так уж сильно я тебя и ударил.

Садко явно находился не в том положении, чтобы спорить, сильно или нет. В таких обстоятельствах не стоило даже выяснять, за что его ударили. Но вот почему он не знал, что в городе объявился соплеменник – это действительно было непонятно.

Впрочем, прямо сейчас Садко больше беспокоило, почему так замерзли щеки. Наконец он решил, что, не открыв глаза, на чем и настаивал неизвестный, ничего не выяснит. И увидел перед собой тонкую смуглую руку с длинными пальцами, которая никак не вязалась в его сознании с ударом, способным этого сознания лишить.

А потом он разглядел на безымянном пальце перстень со звездой Соломона, и от удивления забыл вдохнуть, отчего тут же закашлялся, что в свою очередь обернулось резкой болью в затылке.

Именно такой перстень носил невесть откуда взявшийся дядя Исаак, который двенадцать лет назад помог ему сбежать из Булгара от разгневанного хакана и его то ли двоюродной, то ли троюродной племянницы – девки пригожей и страстной, но, как выяснилось, не в меру болтливой. Проскакав без отдыха двое суток, они с дядей догнали медленно поднимавшийся вверх по Волге струг, доверху нагруженный дорогими товарами, и Садко – тогда еще Цадок – сирота, не имевший за душой ничего кроме звонкострунного киннора и чарующего хаканских племянниц голоса, с удивлением узнал, что часть этого товара принадлежит ему. Дядя добавил также, что он волен распорядиться товаром, как ему заблагорассудится, при условии, что осядет в словенском Новгороде и беспрекословно выполнит любое поручение самого Исаака или какого-то другого человека с точно таким же перстнем. Лишь тогда Садко впервые подумал, что, возможно, та девка вовсе и не была очень уж болтливой, и про их утехи хакан узнал от кого-то другого. Но отступать было уже поздно, да и некуда.

Так и попал в Великий Новгород Садко-богатый гость, и до недавнего времени жил относительно безбедно, но очнувшийся внутренний голос без особой нужды подсказывал ему, что с появлением этого перстня все непременно должно было измениться.

Добравшись до этой мысли, Садко перестал кашлять.

— Так, я вижу, ты узнал перстень, значит, и я не принял за тебя кого-то другого, Цадок бен-Иезекииль, — сказал незнакомец, продолжая растирать лицо Садко свежевыпавшим снегом. — Не шевелись и закрой глаза, словно ты все еще в беспомощности. И слушай, не перебивая. Мне много нужно тебе сказать, а времени у нас очень мало.

Садко решил, что ничего не потеряет, если выслушает его, и послушно зажмурил глаза.

— Во-первых, извини, что так вышло, — продолжал незнакомец с перстнем. — Но иначе я не смог бы подойти к тебе, не вызвав подозрений, а без камня в

кулаке не смог бы тебя уложить одним ударом. На этом извинения окончены, переходим к делу.

Садко подумал было, что теперь-то уж точно оттаскает Кайсу за косы, чтобы больше не давала таких глупых советов, но потом устыдился и признал, что сам во всем виноват. Лезть в кулачное побоище его никто не просил.

— Ты конечно слышал о Крестовых походах и о том, что франки заняли Иерусалим.

Садко попытался кивнуть, но только сморщился от боли.

— Лежи смирно, кому говорят, — зашипел на него незнакомец и вернулся к прерванной мысли: — Так вот, Сионские старцы решили, что будет лучше, если их прогонят из священного города.

Вопрос: «ну а я-то здесь причем?» так и остался не заданным. Говорить было очень больно. Даже думать – и то больно. Даже слушать.

— Они бы там долго не продержались, но в Европе готовят новый поход, который может помешать нашим замыслам. А ты должен помешать им.

Тут уже Садко промолчать не мог, но не успел и рта раскрыть, как растирание превратились в шлепки по щекам.

— Молчи и слушай, — снова зашипел на него соотечественник. — Ты должен сделать так, чтобы фрязи и немцы поняли, что отсюда, с севера, им грозит нешуточная опасность, что, отправив все свои силы в Палестину, они могут потерять у себя дома куда больше, чем добудут там. Как это сделать – решай сам. Мы много лет следили за тобой, и пришли к выводу, что ты можешь справиться с этим заданием. Если захочешь. А если не захочешь, или не справишься, мы сделаем так, чтобы ты целиком, или, по крайней мере, твоя голова вернулась в Булгар. Понятно?

Еще бы не понятно. Возвращаться в Булгар, даже в целом виде, Садко совсем не хотелось. Насколько ему было известно, гневливый хакан все еще пребывал в добром здравии. Как и его племянница, благополучно выданная замуж и нарожавшая счастливому супругу то ли шесть, то ли семь детей. Не из-за чего было и шум поднимать. Только вряд ли кто-то захочет выслушать доводы

Садко, даже если ему и не отрежут первым делом язык, дабы не мешал своей болтовней справедливому и скорому суду.

— А теперь о том, на какие деньги ты все это сделаешь, — не унимался незнакомец, перестав, к счастью, хотя бы натирать щеки Садко снегом. — Завтра или послезавтра в Новгород придет рыбный обоз купца Суvara. Ты заплатишь ему за рыбу столько, сколько он запросит, а потом сам проследишь, чтобы весь товар перевезли к тебе. Это очень ценная рыба, но ее ценность уменьшится многократно, если рыбу выпотрошить. Это все, что знает купец Сувар, и это все, что я могу сказать тебе. Но не сомневайся — этого хватит, чтобы выполнить наше поручение. И надеюсь, не нужно повторять, что случится, если деньги уйдут на какие-то иные дела. Все понятно? — снова спросил незнакомец и добавил: — Вот теперь можешь кивнуть?

Пока Садко собирался с силами, незнакомец уже крикнул резким, неприятным голосом:

— Эй, люди добрые, помогите поднять этого подбитого медведя! Мне одному не под силу.

Мгновениями позже Садко уже стоял на своих ногах, пусть и не очень уверенно, но, во всяком случае, без поддержки. И только тут до него дошло, что лица заботливого соотечественника он так и не видел.